

ГЕЛЛА Тамара Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru, SPIN-код: 6324-0793, Author ID (elibrary.ru): 296315

GELLA T.N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru

**ВТОРАЯ ИМПЕРИЯ И НАПОЛЕОН III В ОЦЕНКЕ
БРИТАНСКИХ СОВРЕМЕННОК В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА**

**THE SECOND EMPIRE AND NAPOLEON III IN THE ASSESSMENT OF BRITISH
CONTEMPORARIES IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY**

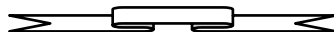
Аннотация. Целью статьи является рассмотрение особенностей становления Второй империи и укрепления власти Наполеона III через призму оценки британских современников в середине XIX века. В зависимости от целей исследования используются различные методологии для изучения Второй империи и эпохи Наполеона III. На основе изучения исторических документов, архивов, писем и других источников рассмотрено, каким образом Наполеон III и Вторая империя влияли на Францию и мировую историю. Статья посвящена ималогическим проблемам восприятия образов Второй империи в британском обществе в первые десять лет правления императора Наполеона III. На основе материалов английских периодических изданий и исследовательской отечественной и англоязычной литературы предпринята попытка конструирования образов бонапартистского режима и самой личности Наполеона как политика в восприятии средневикторианского англичанина. Основной акцент в статье сделан на анализе внутренней политики Наполеона III.

Ключевые слова: Вторая империя, Наполеон III, бонапартизм, периодика, реформы, империализм.

Abstract. The purpose of the article is to consider the features of the formation of the Second Empire and consolidation of power of Napoleon III through the assessment of British contemporaries in the middle of the 19th century.

Depending on the objectives of the study, different methodologies can be used to study the Second Empire and Napoleon III. On the basis of the historical documents study, archives, letters and other sources, the author considers how Napoleon III and the Second Empire influenced France and the world history. Some ecological problems of perception of images of the Second Empire in British society in the first ten years of the reign of Emperor Napoleon III are revealed. On the basis of English periodicals and domestic and English-language literature studies, the author makes an attempt to construct images of the Bonapartist regime and the personality of Napoleon himself as a politician in the perception of a medieval Englishman. The main emphasis is on the analysis of the internal policy of Napoleon III.

Keywords: Second Empire, Napoleon III, Bonapartism, periodicals, reforms, imperialism.

ВВЕДЕНИЕ

Великобритания и Франция – две ведущие державы на мировой политической арене XIX века. История взаимоотношений двух стран – это история соперничества вплоть до военного противостояния (эпоха Наполеоновских войн). Но были и времена, когда Англия и Франция, преодолев свое неприятие друг к другу, объединялись в противодействии третьей стороне. Примером тому может служить их участие в Крымской войне против России (1853–1856 гг.).

Безусловно, социально-экономическая и общественно-политическая жизнь двух стран была в центре внимания британского и французского социума. В одной из статей «The Westminster review» за 1862 год можно было встретить такое высказывание об Англии и Франции: «...две нации созданы для того, чтобы жить как сестры по обе стороны разделяющего их пролива. Они являются источником всего человеческого прогресса; с философской точки зрения одна олицетворяет свободу, а другая – равенство; они – море и суша; промышленность и искусство; их союз, одним словом, является залогом развития человечества», и если бы война вспыхнула между ними, то это «немедленно вызвало бы откат всех великих завоеваний в философии, промышленности и науке» [11, Р. 494].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Середина XIX в. – это особый период в истории двух народов. Великобритания вышла на мировой экономический рынок в качестве крупнейшей промышленной державы, во Франции была провозглашена Вторая империя во главе с императором Наполеоном III. В этот период в обоих государствах под влиянием становления буржуазных политических институтов, распространения широкого спек-

тра общественно-политических идей продолжается процесс формирования национальной идентичности, осознание прошлого своего народа, его роли и места в наступившем настоящем. Как отметил американский историк К. Кумар, британцы после «великой раны», вызванной гражданской войной XVII века, восстановили «непрерывность институциональной жизни», а французы, напротив, «после катаклизма 1789 года не стали залечивать раны», результатом чего «стала перманентная война между «традицией» и «разумом» во французской политике и обществе, постоянная борьба между воинствующим консерватизмом и «романтической ипостасью революции как таковой» [5, Р. 414]. Формирование британской и французской национальной идентичности отчасти проходило под влиянием тех взаимных образов, которые получали распространение в обоих обществах, подчеркивая их «дружость» и специфику.

В центре внимания данной статьи – формирование образов Второй империи и императора Наполеона III в британском обществе в середине XIX века. Автор ставит своей целью уточнение тех факторов, которые влияли на восприятие английскими современниками французских социально-экономических и политических реалий в период правления Наполеона III. Формирование образа самого императора как человека и политика также является предметом исследования. В качестве источников выступили публикации в британских периодических изданиях различной политической направленности: межпартийном «The Annual Register: Or a View of the History and Politics», консервативном «The Spectator», радикальном «The Westminster review».

Вторая империя и Наполеон III вызывали неподдельный интерес в британском обществе. Но прежде чем приводить примеры тех образов, которые складывались в представлениях жителей Туманного Альбиона относи-

тельно Франции, необходимо обрисовать экономические и политические условия, сложившиеся в двух государствах к середине XIX века и оказывавшие непосредственное влияние на восприятие всего того, что происходило по обе стороны Ла-Манша.

50–60-е годы XIX столетия были особым периодом в развитии викторианской Англии. В этот период наблюдался технологический прогресс. Наиболее прорывным было изобретение парового двигателя и расширение использования механизации в производстве. Можно сослаться на приведённые отечественным историком В.В. Грудзинским сведения о развитии инфраструктуры. Строительство железных дорог и каналов по всей стране значительно улучшило транспортную доступность и связность регионов, а также ускорило доставку сырья и товаров [1, С. 25]. Великобритания выступала на мировой арене как крупнейшая военно-морская, торговая и колониальная держава. Она воспринималась как ведущий мировой экономический центр, имевший огромные внешние рынки для продажи своих товаров. Колониальная Британская империя позволяла экспортировать товары в отдаленные уголки мира.

Отдельно можно отметить финансовую поддержку. Великобритания способствовала созданию банков и инвестиционных компаний, которые предоставляли капитал для развития и расширения промышленности. В связи с этим усилились перспективы значительных прибылей, что привлекало вложения инвесторов. Значительное увеличение населения также внесло свой вклад в развитие промышленности. В городах росло количество рабочей силы, что способствовало расширению производства и индустриализации. Природные ресурсы, такие как уголь и железо, обеспечивали дешёвое сырьё для производства, а использование новых технологий позволило более эффективно использовать эти ресурсы, что привело к изменению социаль-

ного порядка. Работники мигрировали из сельской местности в города в поисках работы, способствуя образованию крупных промышленных центров.

Определенная политическая стабильность в британском обществе, укрепление и совершенствование парламентских основ в результате избирательной реформы 1832 года, ослабление радикального (чартистского) движения к 50-м гг., избежание революционных катаклизмов 1848 года, которые потрясли континентальные европейские страны, но не затронули в значительной степени британскую политическую систему, – всё это способствовало формированию у жителей Великобритании чувства превосходства над другими народами, чувства британской конституционной самобытности. Привычной для них стала практика восхваления политических достижений своей страны, противопоставления их восстановленным автократическим правлениям в большинстве крупных европейских государств после 1848 года. Именно с таких позиций английские современники и воспринимали политический режим Второй империи.

Франция занимала одно из центральных мест в британском восприятии конституционных недостатков континентальных режимов. И обуславливалось такое отношение, во-первых, революционными событиями 1789 года и, во-вторых, последовавшими за ними в первой половине и середине XIX века постоянными колебаниями Франции между монархией или империей, с одной стороны, и революцией или «анархией» – с другой. Интересный пример выше сказанного приводит историк Дж. Парри: в Лондоне, в «Салоне мадам Тюссо» (1835 год), «двумя центральными элементами «Комнаты ужасов» были настоящая гильотина из Парижа и Марат, описанный в программе посещения как «отвратительный негодяй» (после того как его закололи ножом в ванной)». Там же были

«представлены предсмертные записки «кровожадного демагога» Робеспьера и короля с королевой». Историк замечает, что «это была поистине антиреволюционная выставка» [7, Р. 151]. Таким образом, можно заметить, что факт институциональной нестабильности и кошмар якобинского террора пустили такие глубокие корни, что для многих англичан Франция всегда была скорее примером, которого следует избегать, чем образцом для подражания [6, Р. 26].

Относительно Второй империи и личности императора Наполеона III, как отмечают современные исследователи, в научной и научно-популярной литературе бытует много мифов, замалчиваний, искажений исторической правды. Особенно это характерно для французских историков, преследующих цель поддержания «национальной славы» или репутации «признанных героев». При этом они всё же в ряде случаев признают экономический прогресс, который был достигнут в 50–60-х гг. во Франции, а также то, что «империя подготовила развитие институтов гражданского общества в последующую эпоху Третьей республики». Однако личность самого императора не находила в их работах широкого освещения, а «бонапартистский режим также трактовался узко – исключительно как форма власти без социально-экономической доктрины». Что же касается советской историографии, то в соответствии с известной работой К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Вторая империя была представлена как период «экономического застоя и социальной несправедливости», а Наполеон III – «ничтожеством, волею случая оказавшимся на троне, не имевшим ни национальной поддержки, ни твердых программ и идей» [4, С. 99; 2, С. 176]. А вот англо-американская историография, по мнению отечественного исследователя М.А. Уваровой, «не находилась в плену идеологий», стремилась к максимальной объективности – предметами ее анализа

стали экономическое развитие, реформы образования, характер бонапартистского режима и сама личность Наполеона III [2, С. 177].

Так что же собой представляли Вторая империя и ее император в середине XIX века? В настоящее время большинство отечественных и зарубежных исследователей отмечают, что к оценкам социально-экономического и политического развития Франции в период правления Наполеона III нельзя подходить однозначно. Бонапартистский режим при Наполеоне III – это режим «личной власти» с её жесткой вертикалью, с не менее жесткой цензурой в печати, с репрессиями против политических противников режима, фактически повсеместным использованием административных ресурсов в период избирательных кампаний. Как правило, эти методы правления характерны для т. н. периода авторитаризма этого режима (1851/52–1860 гг.). Второе десятилетие правления Наполеона III отмечено всё же определенной долей либерализма, что нашло отражение в ряде проведенных в эти годы реформ: в расширении права парламента, принятии либерального закона о печати, проведении реформы в области образования и т. д. Примечательны успехи Франции и в промышленном развитии. Именно в период Второй империи во Франции успешно завершается промышленный переворот. Создается огромная сеть железных дорог. «Париж реконструируется и становится подлинной столицей Европы, поражая архитектурным великолепием и новейшими технологиями урбанистики. Внешняя торговля тоже процветает в результате объявленного императором отказа от традиционного «кольберовского» протекционизма и перехода к свободному рынку», – отмечает М.А. Уварова [2, С. 176].

Такой Франция предстает перед своими соседями – британцами. Интересен тот факт, что, несмотря на то что в середине 50-х гг. Англия и Франция были союзниками в Крымской войне, это не остановило англичан в их

критическом восприятии различных сторон жизни современного для них французского общества. Можно выделить несколько пунктов и сюжетов, в контексте которых шел процесс формирования в целом преимущественно негативного, нежели положительного, образа режима Второй империи и самого Наполеона III.

Политический режим, установившийся во Франции в результате переворота 2 декабря 1851 года, в Британии трактовался только как «империалистический». Правда, этот термин вошёл в политическую риторику еще раньше, во время Июльской монархии, как сопоставление бонапартизма Орлеанской династии и правления ее представителя – короля Луи Филиппа Орлеанского. Однако после событий 1851 года термин «империализм» приобрел иной оттенок и содержание – в британской периодике и прессе он появился с уничижительным значением и начал использоваться для того, чтобы заклеить политику Второй империи. В целом публикации, посвященные Второй империи, носили, скорее, критический, а подчас и с нелицеприятными оценками в адрес его правителя, характер.

Одним из сюжетов, который фактически присутствовал во всех публикациях в полной или краткой форме, был сюжет об избрании Луи Наполеона президентом Французской республики и затем о его провозглашении императором Второй империи. Журналисты достаточно точно характеризуют ситуацию 1848 года и те политические силы, которые привели его к власти. Суть рассуждений сводится к следующему. Отмечается, что страх перед возможной социалистической революцией заставил людей ошибочно полагать, что французское общество нуждается в защитнике. При этом речь непосредственно шла о свергнутых легитимистах (сторонниках династии Бурбонов. – *Т. Г.*) и орлеанистах (сторонниках Орлеанской династии. – *Т. Г.*), и даже о части республиканцев. В связи со своей враждебностью к республике,

считают английские журналисты, французские политики преодолели свои разногласия и полагали, что, избрав Луи Наполеона президентом, они получат «безмозглую марионетку, который стал бы игрушкой в их ожиданиях». Но обстоятельства сложились по-другому. Как пишет «Westminster Review» в 1858 году, оценка, составленная о характере Луи Наполеона, была совершенно неверной. Он оказался человеком, обладавшим в значительной степени целеустремленностью и собственной непоколебимой волей, поэтому расчеты на его подчиненность оказались «прискорбно ошибочными» [10, Р. 168].

Одна из причин его избрания заключалась в том, что многие французы полагали: пленник, т. е. Луи Наполеон, – «это сам старый капрал, восставший из могилы, чтобы спасти свой народ в трудную минуту». И в первую очередь речь идет о крестьянах, которые питали «дикие иллюзии» по отношению к Луи Наполеону: они видели в нем «Святого Михаила, пришедшего убить это отвратительное чудовище – Республику, жадную до налогов». И Луи Наполеон знал, что ему надо обратиться за поддержкой не легитимистов, орлеанистов или республиканцев, а к народу» [11, Р.477].

«...Народ дал власть, о которой просил этот человек, а человек дал спокойствие, необходимое народу...». Однако политическая ситуация, которая сложилась во Франции после государственного переворота 2 декабря 1851 года и провозглашения ровно через год Второй империи, характеризовалась авторитарностью правления Наполеона III и политикой «империализма», так широко критикуемых британскими современниками. Приведем характеристику, данную этому режиму, отечественным исследователем М.А. Уваровой: «Переворот 2 декабря 1851 года захлопнул дверь свободы, ненадолго приоткрывшуюся для французов после революции 1848 года. Слово «ста-

бильность» стало ключевым в политической доктрине Наполеона III. Он понимал, насколько раздроблено и ожесточено общество в ходе революции, насколько оно ощущает нехватку прочной, сплачивающей, авторитетной власти. Провозглашенные революцией свободы грозили перерасти в анархию, общество в целом еще не было готово к республиканскому строю, недостаточно созрело для самоуправления» [2, С. 176]. «The Spectator», оценивая итоги правления Наполеона III за первые 10 лет, охарактеризовал их так: «У себя на родине он обладал властью создавать и изменять конституции, <...> изгонять всех врагов и сажать в тюрьму всех «подозреваемых», заставлять замолчать как трибуну, так и коллегию адвокатов, сковать столицу, которая за шестнадцать лет свергла две сильные династии, и создавать департаменты так же послушные, как и префекты, которые ими руководят. Париж был спокоен, Лион покорен, а Марсель доволен. Даже французское остроумие, похоже, стало придворным, и повелитель тридцати легионов избежал сатиры, которую их штыки не смогли отвести от Луи Филиппа...» [9].

Мы знаем, что его правление в годы Второй империи характеризуется как политика «бонапартизма», главной чертой которой является лавирование. В британских журналах приводится значительное число фактов двойственного курса Наполеона III. Остановимся на одном из них – на самом статусе императора. «The Westminster review» в 1862 году писал, что Луи Наполеон короновался по собственному желанию как император «милостью Божьей и по воле народа». Но уже в этой формулировке крылась двойственность. Став императором «милостью Божьей», он тем самым признает божественное происхождение своей власти, он связывает себя с монархами, осуществляющими свое правление согласно тем же принципам, «он успокаивает старые реакционные общества, все еще

трепещущие перед революцией», признавая вмешательство Бога в дела человека, он тем самым принимает вмешательство Католической Церкви, а это означало не более и не менее чем вмешательство папы римского в дела Франции. В то же время, став императором «по воле народа», он в противовес первому «...откровенно объявляет себя отпрыском революции, избранным вождем нации, избранным представителем суверенитета народа, он отвергает всякое сверхъестественное вмешательство в дела человека, «...он союзник народов против их наследственных королей и отождествляет их дело с делом французского народа, представителем которого он является», он всего лишь «свободно избранный первый исполнительный арбитр» [11, Р. 482]. Журналисты задаются вопросом: а понимал ли сам Наполеон III, что он сделал, когда принял формулу, воплощающую два несовместимых принципа? Они сами же пытаются объяснить это тем, что император уступил перед привычкой к политическому притворству. Возможно, как они полагали, он хотел успокоить все партии, вследствие чего встревожил всех и вселил, как они пишут, «отдаленные надежды как в консервативную, так и в революционную Европу...» [11, Р. 482].

Другим аспектом деятельности Наполеона III, подвергавшимся критике со стороны английских современников и способствующим формированию образа императора, было стремление сочетать авторитарные и либеральные методы правления. Будучи деспотичным политиком, как воспринимали его англичане, он в то же время основывал свое правление на всеобщем избирательном праве, и, таким образом, по их мнению, его обращение к народу позволило ему подавить существующую критику в его адрес.

И действительно, Луи Наполеон, совершив переворот 2 декабря и затем провозгласив себя императором, преследовал не толь-

ко свои личные интересы и воплощение своих амбиций, но и, как это ни парадоксально, предложил французскому населению – буржуазии, крестьянам, рабочим – программу, нацеленную на сплочение и стабилизацию общества. И как император, Наполеон III стремился воплотить ее в жизнь [Более подробно см.: 3]. Важнейшими инструментами в реализации этой программы стали всеобщее избирательное право и право референдума. «Какова бы ни была форма власти, но право граждан высказывать свое мнение о ней должно быть сохранено – это девиз нового времени <...>. Наполеон III, опираясь на изучение трудов передовых мыслителей современности и на собственные наблюдения и анализ ситуации, прекрасно осознавал сложившееся положение» [3, С. 16–17], – комментирует такую позицию французского императора отечественный историк М.А. Уварова. «Империализм» и либерализм – две черты, которые характеризуют режим Второй империи. Английские современники также отмечали эту тенденцию в правлении Наполеона III. Так, «The Times» писала, что «при всем своем пурпуре и золоте имперское правительство было наследником коммунистических представлений Красного республиканского режима» [Цит.: 7, С. 154]. Американский историк Дж. Перри отмечал, что для англичан такое «сочетание автократии и демократии, казалось, символизировало историческую особенность и проблему французской политики и указывало на империализм как на пример, которого следует избегать...» [7, С. 154]. При этом «личное правление» и «утверждение абсолютной власти над другими» внутри страны и за рубежом были теми составляющими, которые в сознании средневикторианского англичанина сочетались с понятием «империализм».

Но как замечают журналисты, «Империя – это не институт, а человек – Наполеон III» [11, Р. 478]. На страницах британских периодиче-

ских изданий часто встречаются сюжеты, посвященные вопросам «личного правления» императора Наполеона III. Британские публицисты стремятся сквозь призму оценок его личных качеств как человека воссоздать портрет политика. Приведем примеры таких характеристик, данные ими применительно к первым десяти годам правления французского императора. Эти характеристики варьировались от прямо негативных в 50-х гг. до нейтрально-положительных в начале 60-х гг. Так, журнал «The Westminster Review» в статье за 1858 год даёт такую характеристику Наполеона III: «Под манерами, носящими выражение невозмутимого спокойствия, он обладал суровой волей, которая благодаря постоянному руководству превратилась в непреклонное упорство в достижении определенной цели, в то время как в натуре, кажущейся холодной и скучной, таился дух, одушевленный страстью, но тем более сильной, что её огонь был тщательно сдержан» [10, Р. 168]. Его преимущество как политика состояло в том, что он «человек, носящий самое популярное имя в современной истории – имя, которое обладает особым значением, присущим только ему самому, поскольку на самом деле оно означает власть и революцию...». Его политический режим сравнивается с правлением его дяди – Наполеона I. «Но этот режим, – отмечалось в этой статье, – был не чем иным, как старой империей, только видоизмененной во внешней политике, и поэтому носил настолько деспотический характер, что был несовместим с неперемным условием здорового государства народа. Это система, основанная не на подчинении, а на порабощении других индивидов; она заменяет прекрасное действие гражданского духа произвольными импульсами властной опеки». И следовал вывод о том, Наполеон III был «абсолютно лишен всякой оригинальности в своих административных институтах», поэтому его конституция факти-

чески во всех своих частях была «рабской копией существующей модели Первой империи» [10, Р. 169]. Однако уже в публикациях начала 60-х гг. можно встретить более сдержанные комментарии о правлении Наполеона III. Так, в журнале «Public opinion» приводятся выдержки из газет «Morning Herald» и «The Times», посвященные тронной речи Наполеона III, произнесенной им в начале 1863 года. Тон публикаций носил более сдержанный, чем ранее, характер. Официальный правительственный орган «The Times», хотя и оговаривается, что его сотрудники не были «среди льстецов имперской системе...», и даже тогда, когда они понимали, что цели, провозглашаемые ее сторонниками, были достойны похвалы, они всегда имели возможность придаться к чему-нибудь, но, касаясь речи императора, они вынуждены признать, что, несмотря на определенную ущемленность свобод во Франции, «много было достигнуто». «Император сделал то, что противоречило всем имперским традициям». Безусловно, речь шла о предпринимаемых имперской властью реформах. Газета «Morning Herald» также довольно благосклонно охарактеризовала внутреннюю политику Второй империи. Имперская власть «обеспечила внутренний порядок, хотя и ценой внутренней свободы»; с поразительным успехом развила промышленные ресурсы Франции; увеличила могущество и престиж страны за рубежом, утвердила её авторитет на дальнем Западе и на крайнем Востоке, и это дало возможность французам гордиться своей страной; она превратила Париж в «чудо Европы» и даже приняла «эффективные меры для обеспечения того, чтобы парижская толпа никогда больше не претендовала на то, чтобы устанавливать законы во Франции». В обмен на это нация, как саркастически замечено в заметке, должна была отказаться от свобод, согласиться на злоупотребления властью и придание прессе «рабского «состоя-

ния». Но это не мешает императору получить определенное признание от французов [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя взгляды английских публицистов на личность Наполеона III и методы его правления за первые десять лет нахождения у власти, надо отметить, что их оценки в целом носили критический со значительной долей скептицизма характер. По их мнению, за границей он действовал «в соответствии с повседневными требованиями своей политики сохранения личности», дома он ограничивался только полумерами, переходя от одной к другой, «кокетничая здесь с реакционерами, там с либералами, живя за счёт лени нации, страшась всего, что угрожает нарушить спокойствие, в котором она пребывает» [11, С. 482]. И следовал вывод, что он живёт сегодняшним днём, заинтересованным только в том, чтобы поддержать себя, свою власть, «тем самым бессознательно подготавливая падение, от которого он не сможет оправиться» [11, Р. 494].

Библиография / References:

1. Грудзинский В.В. Великобритания и её империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 220 с.
2. Уварова М.А. Наполеон III и его эпоха в англо-американской историографии // Новая и новейшая история. – 2014. – С. 176–191.
3. Уварова М. Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. – М.: Издательство Института Гайдара, 2014. – 249 с.
4. Фадеева Т.М. Штраус-Шом А. Теневой император. Биография Наполеона III. The shadow Emperor. A biography of Napoleon III. – N.Y.: ST Martin Press, 2018. – 597p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечествен-

- ная и зарубежная литература. – 2020. – Сер. 5. – С. 98–105.
5. Kumar K. English and French national identity: comparisons and contrasts// Nations and Nationalism. – 2006. – № 12 (3). – 413–432.
6. Morris P. Some Nineteenth Century English Views of French Politics // Les familles politiques en Europe occidentale au XIXe siècle. Actes du colloque international de Rome (1er-3 décembre 1994). – Rome: École Française de Rome. – 1997. – P. 24–39.
7. Parry J. P. The Impact of Napoleon III on British Politics, 1851-1880 // *Royal Historical Society*. – 2001. – Vol. 11. – P. 147–175.
8. The Public opinion. – 1863. – 17 January.
9. The Spectator. – 1861. – 8 June.
10. Westminster review. – 1858. – Vol. 70. – July-October.
11. Westminster review. – 1862. – Vol. 77. – January-April. – P. 494.
1. Grudzinskiy V.V. (2015) Velikobritaniya i yego imperiya v seredine XIX veka: liberalizm i problema modernizatsii [Velikobritaniya i yego imperiya v seredine XIX century: liberalism i problema modernizatsii]. – Chelyabinsk: Entsiklopediya. – 220s. (In Russ.).
2. Uvarova M.A. (2014) Napoleon III i yego epokha v anglo-amerikanskoj istoriografii [Napoleon III i yego epokha v anglo-amerikanskoj istoriografii] // Novaya i noveyshaya istoriya. – S.176-191. (In Russ.).
3. Uvarova M. (2014) Koronovannaya demokratiya. Frantsiya i reformy Napoleona III v 1860-ye gg. [Koronovannaya demokratiya. Frantsiya i reformy Napoleona III v 1860-ye gg.]. – M.: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. – 249s. (In Russ.).
4. Fadeyeva T.M. (2020) Shtraus-Shom A. Tenevoy imperator. Biografiya Napoleona III. The shadow Emperor. A biography of Napoleon III [Shtraus-Shom A. Tenevoy imperator. Biographia Napoleona III. The shadow Emperor. A biography of Napoleon III] // Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. – Ser. 5. – S. 98-105. (In Russ.).
5. Kumar K. (2006) English and French national identity: comparisons and contrasts// Nations and Nationalism. – №12 (3). – 413–432. (in Engl.).
6. Morris P. (1997) Some Nineteenth Century English Views of French Politics // Les familles politiques en Europe occidentale au XIXe siècle. Actes du colloque international de Rome (1er-3 décembre 1994). – Rome: École Française de Rome. – P. 24-39. (in Engl.).
7. Parry J. P. (2001) The Impact of Napoleon III on British Politics, 1851-1880 // *Royal Historical Society*. – Vol. 11. – P. 147-175. (in Engl.).
8. The Public opinion. – 1863. – 17 January. (in Engl.).
9. The Spectator. – 1861. – 8 June. (in Engl.).
10. Westminster review. – 1858. – Vol. 70. – July-October. (in Engl.).
11. Westminster review. – 1862. – Vol. 77. – January-April. – P. 494. (in Engl.).